Член Совета старейшин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока при губернаторе Камчатского края Вадим Коллегов, несмотря на свой почтенный возраст, до сих пор не упускает случая, чтобы порыбачить. И о том, что происходит на камчатских реках, говорит с грустью.

- Прогресс движет нас вперед, и это правильно. Вот только голову при этом терять не надо. Я родился на Камчатке и знаю все рыбацкие дела. Камчатка – это рыба. Помню, еще пацаном, когда начинала идти горбуша, наши старики говорили: «Вот, пошла матушка-кормилица!»

Меня, как музейный экспонат, периодически приглашают в администрацию края, там я выступаю не только по проблемам коренных малочисленных народов Камчатки, но и по поводу наших рыбных делах. Дела же у нас плохи. Вон, в этом году поехал на кижуча и за целый день поймал аж две штуки. А я ведь все речки знаю, в курсе, где рыба должна быть. Но там сегодня повсюду палаточные лагеря и лосося ловят сетями. Как-то крикнул одним, мол, что же вы творите-то? Совестливые попались – собрались и уехали. Но это, скорее, исключение. Обычно посылают по известному адресу…

- Вадим Георгиевич, но сетями рыбу на Камчатке ловили всегда. Что же случилось и почему?

- Первый раз это случилось, когда японцы стали ловить рыбу многокилометровыми ярусами, а потом дрифтерными сетями. После этого численность лосося резко упала. Я после Дальрыбвтуза, с 1959 по 1964-й год работал в Камчатском отделении ТИНРО. В то время ученые были сильно озабочены этой проблемой. А еще из-за отсутствия рыбы стали закрываться многие рыбокомбинаты на Камчатке, и люди оставались без работы. Кстати, по научной части тогда была советско-японская рыболовная комиссия. И к нам приезжали японские делегации. Когда я уже работал в «Камчатрыбпроме», доводилось сопровождать японцев: ездил с ними в Карымай, Кихчик, Озерную. Они смотрели, какое количество рыбы приходит на нерест, хотели убедиться, что ее стало меньше. Стали сокращать сети и уменьшать рыбацкие порядки. В итоге рыба стала проходить в реку, ее численность стала больше, хотя и не настолько как было раньше.

Да, прогресс движет нас вперед, и это правильно. Вот только голову при этом терять

не надо. Помню, во время войны у нас в поселке был умелец, Петей звали. Он вязал на заказ сети из хлопчатобумажной ткани – метров 10-15. Потом пошли капроновые сети, а потом жилковые. В мое время на Камчатке рыбу ловили в основном ставными неводами. Выставляли их тогда колхозы и рыбокомбинаты, по обоим побережьям работали около 200 неводов. Причем были и 500-метровые и километровые невода. Но ставили их не ближе чем в 15 километрах от устьев рек. Это давало возможность рыбе пройти на нерест. И все понимали – иначе нельзя.

А у нас на реке Большой был инспектор Анатолий Цыгальнюк. Его знали все. А ловить рыбу можно было в строго определенных местах и только на спиннинг, по лицензии. Если что не так – Цыгальнюк гонял нещадно. Но народ особо не обижался – понимал, что так надо. Старожилы до сих пор вспоминают Анатолия добрым словом. А сейчас в помощь рыбоохране приезжают люди из других регионов. Камчатку они не знают, она им не родная. Отсюда и отношение к делу. Я ведь каждый год езжу на кижуча – ни разу не проверяли. У меня дача на Пятой стройке; там на дороге все лето стоял и до сих пор стоит красный джип, рыбу продают. И никому до него нет дела. У нас сплошная ярмарка браконьеров. Хотя понимаю: на каждого рыбинспектора не поставишь.

Кошмар и безобразие.

- Дрифтерные, они же жаберные, сети в море недавно запретили. Сегодня идет речь о запрете их у берегов. Как вы считаете, их надо запретить для всех, или кому-то оставить?

- Палка, конечно, о двух концах. Запретишь – снова могут закрыться заводы, а люди останутся без работы. Но все-таки надо думать о будущем. Потому что в итоге мы можем потерять гораздо больше. Я о рыбе-кормилице.

Я родился в селе Кавалерском Усть-Большерецкого района и знаю все рыбацкие дела. Камчатка – это рыба. Рыба кормила людей, зверей, птиц и сама воспроизводилась. Ее было настолько много, что все ручьи и протоки забивались лососем полностью. Когда-то чавыча с кижучем приходили нереститься выше Малок. А то, что сейчас пошла тенденция вместо ставных неводов ловить сетями – это кошмар и безобразие. Почему перешли на сети понятно: это выгодно экономически. Ведь ставной невод – это целая бригада, катера. А сетку поставил с помощью моторной лодки, и все дела. Убежден, жаберные сети нужно запретить для всех и навсегда. Слов таких быть не должно у нас.

Почему в этом году Сахалин взял в десять раз меньше улова? Вычерпали все сетями. А ведь рыбе надо как минимум 4-5 лет, чтобы она смогла возобновиться.

Помимо полного запрета жаберных сетей, в том числе это касается и продажи их в магазинах, надо заняться лодками на наших реках. Лет 10 тому назад, при губернаторе Машковцеве, Усть-Большерецкая дума приняла решение: на период нереста лосося на реке Большой ограничить движение лодок. Но прокуратура это опротестовала: мол, коль это транспортное средство свободно продается, значит, запрещать нельзя. То есть местная власть хотела сберечь лосося, а на нее нашлась другая власть. И дело пострадало. Я много раз выступал по этому поводу.

Вот недавно прошли совещание рыбопромышленников с губернатором и ученый совет КамчатНИРО. Перед этим я ходил к ученым, интересовался – почему они молчат? Почему не бьют во все колокола? Ведь от них должна исходить вся инициатива. А, с другой стороны, понимаю, что сейчас наука тоже в тяжелом состоянии, там плохое финансирование и кадры туда не идут…

- А еще наука в этой части сегодня подчиняется Росрыболовству, которое диктует свои правила…

- В советское время было Министерство рыбного хозяйства! Кстати, у меня есть значок «Отличник рыбного хозяйства СССР», его мне вручал министр Александр Акимович Ишков. А сейчас у нас есть Росрыболовство при… Министерстве сельского хозяйства. Все смешалось в кучу: свиньи, яблоки и рыба. И никто никаких мер не принимает для сохранения последней.

- Кто должен принимать эти меры?

- Меры, причем очень жесткие, должны предлагать губернатор и краевые депутаты. А утверждать – Москва, Кремль. Да, пострадают интересы многих рыбопромышленников, которые, кроме денег, ничего видеть не хотят: им бы малыми затратами поймать больше рыбы. Кстати, не секрет, что у нас многие занимаются этим промыслом, представляя интересы московского бизнеса, которому на все, кроме выгоды, наплевать. Но мы-то живем на Камчатке! Нам-то все это небезразлично должно быть! Надо ограничивать рыбопромышленников. Не должно их быть у нас в таком количестве, не надо им раздавать столько участков. Они ведь себя считают хозяевами Камчатки. Как-то спросил у одних: «Кто вы такие и что тут делаете?» Отвечают: «Не твое собачье дело!» А раз подъехали к Налычевской речке – дорога перегорожена и табличка висит: «Проезд – 100 рублей». Спрашиваю: «Мужики, кто такое объявление повесил, кто разрешил?» Молчат. Даже на мелочах дерут деньги.

Чтобы поставить сеть, достаточно моторной лодки.

Еще хочу сказать: в годы моей трудовой деятельности я часто встречался с первыми лицами Камчатки, с многими из них меня связывала дружба. Так вот, первые лица того времени были доступны для любого человека, доброжелательными и компетентными. К примеру, первого секретаря обкома КПСС Дмитрия Ивановича Качина зачастую утром, по пути в «Камчатрыбпром», я встречал, идущего пешком, без какого-либо сопровождения, на работу. И, помимо обычного приветствия, он всегда интересовался рыбными делами, хотя информацию в полном объеме он, конечно же, получал из других источников. И мне было приятно такое общение.

Борис МАКСИМОВ

ДОСЬЕ

Вадим Георгиевич Коллегов родился 2 января 1936 года в с. Кавалерское Усть-Большерецкого района в многодетной семье. Окончил Дальрыбвтуз (г. Владивосток) по специальности «инженер-механик промышленного рыболовства». Работал в Камчатском отделении ТИНРО, «Камчатрыбпроме», короткое время был директором Октябрьского рыбокомбината, работал в областном комитете народного контроля, в аппарате администрации Камчатской области.